

За последние несколько дней зима в Хуайине вступила в свои права — в городе начался легкий снегопад, но озеро не замерзло: зима здесь была не такой, как на севере, где в самом начале холодов на карнизах уже висели сосульки. У Ду вез Дуань Лина по дороге верхом на лошади, а когда они добрались до рынка, то взяли коня за поводья и пошли бок о бок.

Пусть снег шел так же, как и на севере, но южной зиме было присуще особое тепло — запах угольных костров на обочине дороги и влажность воздуха от тающего снега, который едва успевал беззвучно упасть на землю. У Ду купил у уличных торговцев несколько закусок: жареную рыбу, креветки и маринованные перепелиные яйца на бамбуковых шпажках, и они ели их на ходу.

— Тебе здесь нравится? — спросил У Ду.

— Здесь так красиво.

Дуань Лин стоял на краю озера Ваньгуан и смотрел на него: на его поверхность падал мелкий снег, и от каждой снежинки шла легкая рябь. Холод был не настолько сильным, чтобы оно замерзло, но вода казалась более густой, поэтому снежинки долго держались на плаву, прежде чем исчезнуть в озере.

— Если бы я мог провести здесь три года, — произнес Дуань Лин, — моя жизнь стала бы совершенной. Но я не могу перестать думать о Е.

— Твой господин обещал свозить тебя в самые разные уголки земли. Нам придется побывать везде, — сказал У Ду. — Но теперь, когда я привез тебя сюда, ты скучаешь по дому.

Дуань Лин только сейчас вспомнил — именно это сказал ему У Ду, когда они признались друг другу в любви в тот день в горах, на территории Зала Белого Тигра. Он и представить не мог, что У Ду помнил об этом даже спустя столько времени.

— Когда я спустился с горы Минь и дошел до Цзянчжоу, Чжэн Янь тоже пригласил меня в Хуайин в качестве гостя. Но в то время с севера постоянно приходили вести о войне, поэтому у меня не было времени задержаться и полюбоваться видами. Мне нужно было спешить на центральную равнину, чтобы спасти своего учителя и его жену. Десять лет назад бродить по берегу озера в одиночестве было совсем не весело. Последние несколько лет я подумывал о том, чтобы взять тебя сюда.

Со стороны воды доносилось пение — по озеру тянулись плавучие павильоны*.

* Лодки Хуафан (буквально «расписная лодка») часто переводят как «прогулочная лодка», но на самом деле это просто баржа, на вершине которой построен ресторанный павильон.

Дуань Лин ответил:

— Есть много мест, где мы еще не побывали.

— Да, — сказал У Ду, погрузившись в раздумья. — Я просто беспокоюсь, что, когда ты вернешься во дворец, будет гораздо сложнее улизнуть. Пойдем, отыщем плавучий павильон и посидим в нем.

Плавучие павильоны принимали гостей, пришвартовываясь к пирсу, но У Ду просто нацелился на один из них, стоя посреди моста, а затем с Дуань Лином в руках взмыл на палубу.

Дуань Лин не знал, с каким лицом ему выходить из павильона — как только они приземлились на него, люди в панике вскрикнули, думая, что на борт запрыгнул убийца. Но тут У Ду бросил серебряный слиток, который со звоном упал на стойку.

— Всем по порции выпивки, — произнес У Ду. — Есть свободные комнаты?

— Это было ужасно безрассудно с твоей стороны, — Дуань Лин поспешно извинился перед гостями.

У Ду уже потащил его в отдельную комнату.

— Все равно все это принадлежит твоей семье — и лодка тоже. Почему ты так учтив с ними?

Дуань Лин потерял дар речи.

Вскоре в павильоне снова воцарилась умиротворенная тишина. На втором этаже под ними кто-то играл на цине, и официант принес горячее вино и еду. У Ду обнимал Дуань Лина и пил вино, откинувшись на кушетку за ширмой. Они прижимались друг к другу под пледом, наслаждаясь пейзажем, и получали действительно восхитительное удовольствие.

— Хотите, я спою для вас, мой господин? — с улыбкой произнес Дуань Лин.

У Ду слегка захмелел. Он подцепил Дуань Лина под подбородок пальцем, чтобы притянуть ближе, и крепко обнял, словно боялся, что кто-то может его увести.

— Шань-эр, ты так вырос, — сказал У Ду.

От этих слов сердце Дуань Лина затрепетало. Вспоминая о времени, когда У Ду привел его к себе домой, все действительно изменилось.

— Ты всегда относишься ко мне как к ребенку, — Дуань Лин прислонился спиной к У Ду, глядя на кружащийся снег, падающий над озером Ваньгуан.

У Ду обнял Дуань Лина сзади, и его губы, отдающие винным ароматом, погладили его ухо и прошептали:

— Я не хочу, чтобы ты вырослел. Тогда и я не буду стареть.

Дуань Лин взял У Ду за запястье и развернул лицом к себе, склоняя голову, чтобы поцеловать в губы. У Ду набрал полный рот вина и передал ему изо рта в рот. Плавающий павильон медленно приблизился к пирсу. Некоторые гости сошли на берег, а другие поднялись.

Из-за ширмы до них донесся голос Яо Чжэн.

— Теперь, с наступлением зимы, в эти плавающие павильоны почти никто не заходит.

— Сюда, пожалуйста, — раздался голос официанта.

Дуань Лин попытался отодвинуться, но У Ду не отпускал его — обхватив руками, он продолжал целовать его, словно ему было недостаточно.

— Не обращай на них внимания, — прошептал У Ду, его губы незаметно приоткрылись.

Лан Цзюнься закрыл зонтик и вместе с Яо Чжэн ступил на павильон. Яо Чжэн окинула взглядом все вокруг и произнесла:

— Вот здесь хорошо.

Яо Чжэн и Лан Цзюнься выбрали отдельную комнату на первом этаже, выходящую на озеро, и так получилось, что она оказалась прямо под У Ду и Дуань Лином. Лан Цзюнься, опираясь ногой на перила, взглянул на воду и рассеянно произнес:

— Возможно, это последний раз, когда я приезжаю на озеро Ваньгуан.

Дуань Лин и У Ду тоже облокотились на перила, прислушиваясь к разговору внизу.

— О чем ты? — произнесла Яо Чжэн. — Дядя ничего тебе не сделает.

Лан Цзюнься не ответил. Наконец Яо Чжэн продолжила:

— Просто оставайся в Хуайине. Я попрошу папу вступить за тебя. Пока ты здесь, никто не посмеет причинить тебе вреда.

— Я ценю вашу доброту, — донесся до них снизу голос Лан Цзюнься. — Но у меня остались незавершенные дела в Цзянчжоу. Так уж предопределено, что я должен с ними разобраться.

Яо Чжэн добавила:

— Как только с ними будет покончено, ты не сможешь вернуться сюда?

Лан Цзюнься ответил:

— Каждый шаг после первой ошибки вел по ложному пути. У меня не осталось другого выхода.

— Ты не сделал ничего плохого. Как я понимаю, мой двоюродный брат жив и здоров? Если бы ты не...

— Оставьте это, — ответил Лан Цзюнься.

И Яо Чжэн больше не говорила об этом, но затем добавила:

— Когда ты приехал в Хуайин четыре года назад, что за новости ты привез?

— Его Величество отправил меня обратно в Сычуань. Он хотел, чтобы я выяснил, что задумали Чжао Куй и Му Куанда, и чтобы, если понадобится, я перешел на их сторону, затаился и ждал его приказа. В мгновение ока прошло уже четыре года.

— Я до сих пор помню, как ты приехал в Хуайин четыре года назад. Ты был в добром здравии и с пальцем на руке. К тому времени, как я снова увидела тебя в Сычуани, ты изменился.

— Я не изменился, — сказал Лан Цзюнься, его голос ровен, без единой дрожи, — все эти годы то, что у меня в сердце, остается неизменным.

— Мне очень жаль, — внезапно произнесла Яо Чжэн.

На лице У Ду со второго этажа появилось изумление, словно он не мог поверить, что Яо Чжэн по собственной воле извинялась перед кем-то. Дуань Лин вопросительно посмотрел на него, и У Ду покачал головой, давая понять, что расскажет все позже.

— Это все в прошлом, — с улыбкой сказал Лан Цзюнься. — Давайте не будем об этом.

— Если бы я не злилась на тебя в тот день, я бы не...

— Так и должно было случиться, — ответил Лан Цзюнься. — А вы разве еще не выходите замуж?

— Замуж, замуж, все торопят меня с замужеством, — выражение лица Яо Чжэн помрачнело, и она насупилась. — Это не твое дело!

Лан Цзюнься больше не давил на нее, но Яо Чжэн, похоже, более не желала здесь оставаться. Вскоре она поднялась, чтобы уйти. Лан Цзюнься тоже встал и последовал за ней.

Дуань Лин смотрел им вслед. Удивительно, но Лан Цзюнься и Яо Чжэн ушли так же быстро, как и пришли. На берегу Яо Чжэн, не удостоив Лан Цзюнься и взгляда, вскочила в седло и умчалась прочь. Лан Цзюнься же, постояв у дороги, не стал садиться на коня, а медленно, ведя лошадь под уздцы, удалился от причала.

Один человек, одна лошадь. Дуань Лин смотрел на них со своего места за перилами, и эта сцена наполнила его чувством невыразимой печали.

— У Ду?

— Ничего, — У Ду покачал головой, словно погрузившись в свои воспоминания.

— Неужели Яо Чжэн и Лан Цзюнься знакомы? — Дуань Лин очень удивился. У Ду тоже не знал, но, судя по их разговору, они, похоже, встречались раньше. Возможно, это было еще тогда, когда его отец отправил Лан Цзюнься на юг, чтобы тот разведал обстановку.

— Уже поздно. Давай возвращаться, — сказал У Ду.

Возвращаясь в усадьбу Яо, Дуань Лин вновь вспомнил ту весну, когда их пути с Лан Цзюнься разошлись. Тогда внезапно появился отец, а Лан Цзюнься исчез — все случилось так естественно, будто так и должно было быть. Но он и представить не мог, что со временем они станут чужими.

С наступлением ночи случилось неожиданное: на ужин явился лишь Ли Яньцю.

С его точки зрения, раз он уже познакомился с семьей Яо, то не имело значения, будут ли они проводить больше времени вместе или нет. Они сидели вдвоем друг напротив друга, У Ду стоял на страже, а Чжэн Янь куда-то отлучился.

На столе были расставлены блюда, и Дуань Лин пробовал еду для Ли Яньцю. Тот сделал глоток чая и сказал ему:

— Не беспокойся обо всех этих правилах. Просто ешь.

Дуань Лин пробовал всю еду для Ли Яньцю, когда тот жил в Е — с У Ду рядом яд не казался серьезной угрозой. Он, как всегда, упрямо завершил ритуал дегустации, а лишь затем занял свое место.

— Дядя, мне правда пора возвращаться. Нужно довести начатое до конца. Раз уж я отправился в Е, то должен хорошо поработать. Только так я не подведу отца.

— Хорошо. Я не буду тебя останавливать. Но когда ты вернешься в Е, тебе нужно быть еще более осторожным, чем раньше.

Дуань Лин облегченно вздохнул и собрался уезжать уже завтра. В Цзянчжоу у него было еще много дел, а Ли Яньцю не мог вечно оставаться в Хуайине. Если они отправятся в путь как можно раньше, у них будет достаточно времени на подготовку.

— Причина, по которой я пригласил на ужин только тебя, — произнес Ли Яньцю, сделав паузу, — в том, что я должен объяснить тебе некоторые вещи.

Дуань Лин утвердительно хмыкнул. Это был вечер перед их окончательным расставанием, так что у Ли Яньцю наверняка были для него наставления.

И действительно, первое, что сказал ему Ли Яньцю:

— Тот, кто замыслил убить твоего отца, скорее всего, был кем-то из Великой Чэнь.

Дуань Лин был потрясен и не мог перестать дрожать. С трепетом в голосе он спросил:

— Как ты узнал об этом?

— Ни ты, ни я не были непосредственными свидетелями событий того времени. Ты был в Шанцзине, а я — в Сычуани. Но, судя по тому, что мне рассказали У Ду и Улохоу Му, история в целом сходится. У Ду рассказал мне, что ты своими руками убил человека в Тунгуань, которого звали Хэлань Цзе.

— Точно! — Дуань Лин неудержимо дрожал, его кровь словно застыла в жилах. Он больше не мог есть и трясущимися руками отложил палочки.

Ли Яньцю продолжил:

— Хэлань Цзе был убийцей из Сиюй, когда-то изгнанным учеником школы меча Юйлинь. Помнишь, прошлой зимой на твой день рождения приехала толпа монгольских посланников? Одного из них звали Хатан-Батор.

— Помню.

— Его учителем был Наянь То. Перед смертью Наянь То изгнал Хэлань Цзе. Он больше не имел поддержки в Сиюй и в конце концов оказался в Ляо. Вполне вероятно, что он попросил убежища в Южной администрации. В ту ночь, когда твой отец отправился в Шанцзин, на него напали убийцы, едва они достигли долины. У Ду сказал, что, судя по навыкам нападавших, которых мы встретили на днях, они, скорее всего, принадлежали к той же группе.

Это единственное, чего не мог понять Дуань Лин, хотя думал об этом всю дорогу до Хуайина. Если Му Куанда послал Чан Люцзюня убить Ли Яньцю, то где он держал своих людей? И где они могли скрываться?

И вот теперь все стало ясно.

Му Куанда вступил в сговор с Хань Вэйюном из Южной администрации! Убийцы все это время находились в Ляо, и тогда Хэлань Цзе тоже взял этих людей и убил его отца!

— Эти убийцы... — Дуань Лин был ошеломлен.

— Они были из школы меча Юйлинь. Хатан-Батор отобрал часть из них, а командование над остальными взял на себя Хэлань Цзе. Улохоу Му говорил, что однажды подарил тебе буддийские молитвенные четки. Это правда?

— Они в Е, — Дуань Лин не носил их с собой.

— Это был личный знак Наянь То перед смертью — сандаловые четки Юйлинь. Ученики школы меча Юйлинь должны выполнять приказы того, у кого эти четки находятся. Хэлань Цзе убил твоего отца, и, чтобы отомстить за него, Улохоу Му отрубил ему руку и забрал их.

— Но он никогда не говорил мне об этом, — сказал Дуань Лин, — что если я буду носить молитвенные четки, то убийцы из Юйлиня не смогут меня убить...

— Я уже отчитал его, — ответил Ли Яньцю. — Хорошо, что ты их не носил. Неужели он думал, что это как с Чжэньшаньхэ? Если бы они узнали, что молитвенные четки попали в руки ханьца, то наверняка пошли бы напролом, чтобы убить тебя и забрать их обратно. В итоге ты бы оказался в опасности. В самом деле, Улохоу Му ужасно наивен.

Неужто? — подумал Дуань Лин. Возможно, Лан Цзюнься был так настойчив по другой причине. Может, он хотел увидеть, как я ношу подаренный им сувенир?

— Неважно, хватит об этом, — продолжил Ли Яньцю. — В ту ночь люди, напавшие на Цзяньхуна в долине и Шанцзине, были учениками школы меча Юйлинь. Поскольку Му Куанда имел возможность отдавать им приказы, я уверен, что он всегда поддерживал тесные связи с

этой ветвью школы.

— Верно, — Дуань Лин ничего не мог с собой поделаться. Он был в ярости.

— Но это не исключает того, что они могли начать работать вместе только недавно. Что касается того, как это произошло, то у нас нет точных сведений. Нам нужно, чтобы ты попытался это выяснить.

— Я? Может, Е и граничит с Ляо, но...

До Дуань Лина вдруг дошло, что Елюй Цзунчжэнь же император Ляо! А раз Хань Вэйюн был у него под носом, не проще ли спросить у него?

— Я понял, — сказал Дуань Лин. — Напишу письмо Цзунчжэню, как только вернусь.

Ли Яньцю кивнул и добавил:

— Хэлань Цзе уже умер от твоей руки. В каком-то смысле ты отомстил.

— Но в то время Хэлань Цзе сражался на стороне Силян, — Дуань Лин вспомнил о заговоре в Тунгуань и спросил. — Почему он был связан с Силян?

— Это тоже один из главных вопросов, который я обсуждал с Яо хоу сегодня днем. У тебя есть младшая двоюродная сестра — и это ты проводил ее замуж из Тунгуань. Яо заключили брачный союз с Силян и, отправив свой торговый караван, вот что узнали: после битвы при Шанцзине в Ляо подозревали, что Хань Вэйюн послал убийц, чтобы убить Елюй Даши из-за борьбы за власть при дворе, и тем самым предал весь Шанцзин. Чтобы скрыть это, Хань Вэйюн велел Хэлань Цзе покинуть Чжунцзин и бежать на территорию Силян, а там временно попросить убежища.

Дуань Лин был потрясен.

— На Елюй Даши тоже было совершено покушение?!

Дуань Лин вспомнил канун падения Шанцзина. В ту ночь Елюй Даши покинул город, чтобы принять участие в генеральной битве, где в него попала стрела, и по возвращении он скончался от полученных ранений. Теперь, когда он задумался об этом, все выглядело так, будто в Елюй Даши попала отравленная стрела.

— По всей вероятности, — вздохнул Ли Яньцю. Они сидели молча, не желая есть. Ли Яньцю продолжил. — Улохоу Му рассказал мне, что, когда он вернулся в Сычуань, его как-то отравили — Чан Люцзюнь смазал ядом его меч. У Ду с помощью кровопускания и противоядия,

расщепляющего яд, спас его. И сейчас, в горах Динцзюнь, яд, который убийцы использовали против Чжэн Яня, был тем самым ядом.

— Это был тот же яд, который они использовали для моего отца?

— Почти тот же. Они оба были получены из гремучей змеи в Сиюй. Просто яд, который они использовали против Цзяньхуна три года назад, был более длительного действия, и в него также был добавлен яд скорпиона и сороконожки. Методом кровопускания У Ду не смог бы излечить твоего отца от яда. Вот почему все эти годы он чувствовал себя виноватым.

Дуань Лин повернулся и выглянул на улицу. Фигура У Ду отбрасывала тень на бумажную ширму дверной рамы.

Что касалось изготовления яда, то Дуань Лин прожил с У Ду достаточно долго, чтобы иметь о нем некоторое представление. Как отравление, так и избавление от яда — чрезвычайно сложные процессы; если смешать множество видов токсинов вместе, то сложность их обезвреживания вряд ли сравнится с простым ядом. Но некоторые яды и создать было довольно сложно.

— Это его объяснение. Ты веришь в это? — обернулся и спросил его Ли Яньцю.

— Верю, — кивнул и сказал Дуань Лин. — Основной яд школы меча Юйлинь — яд гремучей змеи. Им можно смазывать мечи, стрелы и любое скрытое оружие. Но для убийства мастера боевых искусств к нему могут подмешать яды пауков или скорпионов. Как правило тот, кто изготавливает яд, вносит в состав определенные изменения. Метод, который обычно использует У Ду, чтобы очистить человека от этого яда, заключается в кровопускании, после этого пациенту дают противоядие, обладающее интенсивным «сухим» свойством, чтобы помочь ему вывести токсин из организма. Реального способа дать «противоядие», чтобы противостоять яду, не существует.

— По правде говоря, я его не виню, — задумался, а затем добавил Дуань Лин. — Все это в прошлом. Ничего не поделаешь.

Ли Яньцю одобрительно хмыкнул в ответ.

— Несмотря ни на что, сейчас еще не время возвращаться в Цзянчжоу.

— Но я беспокоюсь за тебя, дядя. Почему бы не позволить У Ду отправиться с тобой?

Дуань Лин мог смириться с разлукой с У Ду на несколько месяцев, если это бы означало, что с Ли Яньцю ничего не случится.

Ли Яньцю медленно покачал головой.

— После моего возвращения Цзянчжоу станет моим полем боя. Можешь не беспокоиться.

Как он мог не волноваться? После возвращения Ли Яньцю придется столкнуться с Му Куандой и Цай Янем лицом к лицу.

— Му Куанда собрал множество людей из Сычуани. Императрица — его младшая сестра, и между фракциями императорского двора идет серьезная вражда. Он посадил немало людей на ключевые посты. Через три месяца минимум и не позднее чем через шесть месяцев я должен заменить всех этих людей, чтобы не случилось ничего непредвиденного после того, как мы его убьем.

— Он обязательно что-нибудь придумает, — сказал Дуань Лин. — Мы увидели Чан Люцзюня, и Му Куанда тоже знает об этом.

Момент, когда показался Чан Люцзюнь, также обозначил, что предательство Му Куанды было раскрыто.

— По данным разведки Яо Фу, Чан Люцзюнь еще не вернулся в Цзянчжоу. Яо Фу уже расставил посты. Он не позволит ему вернуться в Цзянчжоу. Так что у Му Куанды больше нет никого на его стороне. Я собираюсь устроить для него ловушку. Когда она захлопнется, ты сможешь вернуться домой.

Что за ловушка? У Дуань Лина вдруг возникло дурное предчувствие, но раз Ли Яньцю не говорил ему, то и он станет на него давить. У него возникло смутное ощущение, что Ли Яньцю собирался одним махом избавиться и от Цай Яня, и от Му Куанды.

— Еда остыла, — произнес Ли Яньцю. — У Ду, попроси Чжэн Яня разогреть ее.

— Непременно.

У Ду зашел и вынес остывшие блюда из комнаты. Ли Яньцю не отличался особой привередливостью. Чаще всего он просто съедал еду, даже если она остыла.

— Дядя! — хотя Дуань Лин не хотел этого говорить, он не смог сдержаться. — Обещай мне не рисковать.

Ли Яньцю улыбнулся ему.

— Не волнуйся.

Не успели они оглянуться, как Чжэн Янь уже принес разогретую еду, а Ли Яньцю начал расспрашивать Дуань Лина о Е, как будто никакого разговора ранее не было.

— По дороге я слышал, как простолюдины обсуждали тебя. Они все говорили, что ты отлично справляешься с руководством Хэбэем.

— Это все труды мастера Фэя, — ответил Дуань Лин.

Ли Яньцю одобрительно произнес:

— Уметь использовать людей — тоже мастерство.

Дуань Лин застенчиво улыбнулся и еще немного поговорил с Ли Яньцю, но в голове у него все время крутилась мысль о том, какую ловушку планирует устроить Ли Яньцю, чтобы вырвать с корнем и Му Куанду, и Цай Яня.

Может быть, канцлер вступит в сговор с наследным принцем, чтобы устроить переворот? А может, Ли Яньцю собирается переложить вину за подставного наследного принца на Му Куанду? Чем больше Дуань Лин думал об этом, тем более вероятным казался такой вариант. Он посмотрел на Ли Яньцю.

— Если вы завтра уезжаете, не обязательно приходить прощаться, — сказал Ли Яньцю. — А то вдруг я в последний момент передумаю и утащу тебя с собой в Цзянчжоу.

Дуань Лин улыбнулся, но вскоре его глаза снова покраснели. Он отложил палочки и подошел к Ли Яньцю, чтобы сесть рядом и прислониться к нему.

— У Ду, останься здесь ненадолго. Жо-эр, если тебе больше нечего мне сказать, иди отдыхать.

Дуань Лин знал, что у Ли Яньцю были указания для У Ду, поэтому он вернулся в свои покои один.

Вечером поднялся сильный ветер, и Дуань Лин почти всю ночь ждал возвращения У Ду. Он ничего не говорил, пока У Ду не сел на кровать, чтобы снять сапоги.

— Дядя спрашивал тебя обо всем этом?

— Он расспрашивал меня много раз, много лет назад.

— О чем вы говорили сегодня?

У Ду поднял глаза и взглянул на Дуань Лина, но лишь улыбнулся, не ответив.

— О чем вы говорили? — спросил Дуань Лин.

— Он сказал, чтобы я хорошо о тебе заботился. Просто о повседневной жизни.

Дуань Лин лишь кивнул.

Вероятно, Ли Яньцю получил информацию от Лан Цзюнься. Тогда первоочередной задачей Дуань Лина, когда он вернется в Е, будет связаться с Елюй Цзунчжэнем и попытаться получить доказательства сговора Му Куанды и Хань Вэйюна.

Когда Дуань Лин на следующий день проснулся, первым делом он пошел прощаться с Яо Фу и Ли Сяо. Яо Чжэн, как всегда, держалась в стороне, и Дуань Лин задался вопросом, неужели Лан Цзюнься вчера оказал ей холодный прием?

— Дядя сказал...

— Он сегодня встал раньше тебя, — ответила Ли Сяо, — и уже утром отбыл в Цзянчжоу.

— О? — Дуань Лин не думал, что Ли Яньцю уже уехал.

Яо Фу попросил Дуань Лина остаться на завтрак, а затем лично проводил его из города. Как раз в тот момент, когда он собирался уезжать, Ли Сяо прислала четыре повозки с едой и одеждой, а также выделила для его сопровождения отряд в тысячу человек из войск Хуайина. Если добавить к ним армию самого Дуань Лина, то получится почти две тысячи человек.

Ли Сяо проводила Дуань Лина за городские ворота и, взяв его за руку, прошептала:

— Жо-эр, пока мой муж не пришлет Чжэн Яня с посланием, чтобы ты вернулся в Цзянчжоу, не уезжай безрассудно.

У Дуань Лина никогда не было матери. Несмотря на то, что он почти не общался с Ли Сяо, между ними возникло чувство родства. Он не смог удержаться от того, чтобы не шагнуть вперед и не обнять ее.

— Где Улохоу Му? — спросил Дуань Лин Яо Чжэн.

— Утром уехал с дядей, — ответила Яо Чжэн.

Дуань Лину осталось лишь сесть в карету и, нехотя попрощавшись с семьей Хуайинхоу, по северной дороге отправиться обратно в Е.

Сейчас была середина двенадцатого месяца, разгар зимы, и после серии метелей, пронесшихся над округой, многие дороги на севере были перекрыты. К счастью, солнечные дни, выпавшие в последнее время, значительно облегчили путешествие. Дуань Лин прибыл в Динцзюнь и пополнил свои войска солдатами из Хэбэя, которые ждали его здесь. Прошло уже больше двух недель с тех пор, как он уехал, а у Е даже не было армии; кто знает, как теперь выглядело это место. Цинь Лун был отправлен в Цзянчжоу, так что по возвращении ему придется назначить для Хэцзянь нового командующего.

С приходом зимы Хэбэй превратился в снежную равнину, простирающуюся на тысячу ли. Когда он заметил на горизонте Е, первая мысль, которая пришла в голову Дуань Лину, — я дома.

Он прижался к Бэнь Сяо и устремился вперед.

— Эй! — У Ду не терял времени и подстегнул свою лошадь, чтобы догнать его. Дуань Лин немного сбавил скорость, и они вдвоем бок о бок поскакали по заснеженным равнинам. В бескрайней прерии небо было необъятно, а земля широка, даря ощущение свободы.

— Мы дома! — улыбнулся У Ду Дуань Лин.

Как бы ни был хорош Хуайин, это все же чужой дом. А вот это место он действительно считал своим домом. У Ду догнал его и, поставив ногу на спину коня, прыгнул навстречу Дуань Лину, приземлившись позади него, и взял поводья Бэнь Сяо, направляя их в город.

— Губернатор и комендант вернулись!

— Приветствую вас, губернатор.

— Господин губернатор, наконец-то вы вернулись!

Дуань Лин вошел в поместье в облепленной снегом одежде, а У Ду все еще стоял на улице, стряхивая его с плаща. Все поспешили окружить его, и Линь Юньци произнес:

— Ожидание было невыносимым! Я каждый день был на волоске от гибели. Сюда прибыло сорок тысяч беженцев!

— Пришло еще больше людей? — потрясенно спросил Дуань Лин.

Дуань Лин забрал с собой всю армию, оставив в городе лишь до ужаса напуганных людей. Если сорок тысяч беженцев начнут устраивать беспорядки, это будут не шутки. Но у них был Фэй Хундэ, так что удержать этих людей в узде было проще простого.

Фэй Хундэ сидел на одном из второстепенных мест в главном зале и пил чай, спокойно кивнув Дуань Лину, когда тот зашел. Судя по тому, что на улицах всю дорогу было довольно спокойно, ничего особенного не произошло.

— Все готово? — спросил Фэй Хундэ.

— Да, — кивнул Дуань Лин. Не дожидаясь, пока он их позовет, чиновники один за другим вошли в зал.

— Десять дней назад я послал гонца в Хэцзянь за войсками, но генерал Цинь отсутствовал на своем посту без разрешения. Сейчас в Хэцзяне царит полный беспорядок, — произнес Фэй Хундэ.

— Ничего страшного, — ответил Дуань Лин. — Через некоторое время У Ду доставит людей, которые возьмут на себя его обязанности, и назначит нового лейтенанта.

Пока Дуань Лина не было, в городе появилось более десяти тысяч человек, ищущих убежища, так что в общей сложности сейчас насчитывалось почти сорок тысяч беженцев. Фэй Хундэ разработал план, по которому из числа беженцев нужно было выбрать несколько человек и сформировать из них гражданское ополчение. Он обязал их доносить друг на друга, чтобы они сами себя контролировали, а также разделил их по группам.

И вдруг беженцы оказались заняты внутренними разборками. Поскольку они были озабочены своими делами, у них почти не оставалось сил на то, чтобы устраивать беспорядки.

— Раз уж Ваше Высочество вернулись, — произнес Фэй Хундэ, — вы можете отменить это положение, привлечь меня к ответственности и наказать, конфисковав годовое жалованье.

Дуань Лин даже не знал, какое выражение лица ему следует подобрать.

— Я должен поблагодарить вас, мастер Фэй.

Фэй Хундэ из кожи вон лез, чтобы изобразить из себя плохого губернатора, а из Дуань Лина — хорошего. Дуань Лин отправил гонца объявить, что временные положения отменяются — в конце концов, их армия уже вернулась, так что все можно уладить.

У Ду закончил стряхивать снег с плаща и вошел в дом.

— Сейчас я пошлю кого-нибудь в Хэцзянь.

— Давай решим это через несколько дней, — ответил Дуань Лин.

— Об этом нужно позаботиться прямо сейчас. У тебя есть кандидат на пост командующего Хэцзяня?

— Пусть это будет Сунь Тин, — сказал Дуань Лин.

Сунь Тин, казалось, растерялся.

— Господин губернатор, все, чего я хочу, — это продолжать работать на вас.

— Не волнуйся, — добавил Дуань Лин. — Сейчас исключительное время. Пока что просто помоги мне вернуть мир в Хэцзянь.

Дуань Лин собирался отправить Шулюй Жуя с Сунь Тингом, но тот, вероятно, не хотел покидать его, поэтому пока он оставил Хэцзянь на попечение Сунь Тина. Он продолжил:

— Мастер Фэй, я должен попросить вас помочь мне присмотреть за Хэцзянем на некоторое время.

— Без проблем, — ответил Фэй Хундэ. — Я рад помочь.

У Ду сказал:

— Тогда отправляйтесь в город вместе. Все равно оба города расположены довольно близко, дорога займет не больше дня. Если вы отправитесь сейчас, то к сумеркам будете на месте.

Дуань Лин попросил Линь Юньци составить официальный документ: Цинь Лун самовольно покинул свой пост, сбежав из Хэцзяня со злым умыслом. У Ду послал войска, чтобы схватить его, и Цинь Луна теперь сопровождают в Цзянчжоу для вынесения приговора, поэтому Сунь Тин будет исполнять обязанности командующего Хэцзяня. Пока все это писалось, Дуань Лин подумал, что ему следует перевести уездного магистрата обратно в столицу и назначить на эту должность кого-то из местных, чтобы облегчить управление.

Фэй Хундэ взял документ и вместе с Линь Юньци отправился в Хэцзянь, чтобы сделать публичное заявление, а Сунь Тин собрал вещи и ушел вместе с ними. Что касалось остальных, Дуань Лин велел слугам собрать вещи и отправить их вместе с вещами Фэй Хундэ. Он дал им десять дней; как только Фэй Хундэ разберется с делами, они смогут вместе вернуться.

Цинь Лун, возможно, и имел определенный авторитет в Хэцзяне, но он уже был арестован, и Дуань Лин был уверен, что его бандитов осталось немного. Он не возражал против того, чтобы послать Фэй Хундэ, чтобы тот повлиял на народные настроения, ведь это было не такой уж серьезной проблемой.

Снаружи Ши Ци проводил инвентаризацию вещей, отправленных с ними в повозках из Хуайина, и так как содержимое повергло его в шок, он вбежал и обратился к Дуань Лину:

— Губернатор, кого вы ограбили, раздобыв так много золота?

— О чем ты говоришь? — сделал ему замечание У Ду. — Все принадлежит губернатору!

— Сколько там денег? — У Дуань Лина не было возможности осмотреть их на обратном пути, и ящики не открывали.

— Там десять тысяч таэлей золота! — произнес Ши Ци.

Дуань Лин чуть не опрокинул стол и вскрикнул:

— Что? Десять тысяч таэлей?

Ши Ци развернулся и вышел из комнаты, возвращаясь с двумя слитками золота. Он ударил ими о стол, и они издали громкий звон. У Дуань Лина внезапно возникло ощущение дежа вю. Он повернулся к У Ду с ошеломленным выражением лица.

— Это из Тунгуань? — спросил Дуань Лин.

— Похоже на то, — ответил У Ду. — Почему они... Неважно.

Их глаза на мгновение встретились, и Дуань Лин вспомнил о связях между Яо Фу и Силян. Когда Дуань Лин покидал Тунгуань, он передал эти десять ящиков с золотыми слитками новому губернатору Тунгуань. Му Куанда вряд ли осмелился бы их тронуть. Значит, Ли Яньцю послал за ними людей?

Ши Ци привлек еще нескольких слуг для инвентаризации повозок, но У Ду сказал ему:

— Это личное имущество губернатора, не казенное. Никаких самовольных действий.

Ши Ци тут же ответил, что в курсе — он просто осматривал для общего понимания.

Во всяком случае чиновники Е были кем-то вроде слуг Дуань Лина. За исключением Линь Юньци, Дуань Лин не скрывал внутреннюю кухню от Янь Ди, Ван Чжэна и Ши Ци. После того как ящики были открыты, Дуань Лин вручил всем троим по слитку золота и велел обменять их на серебро. Затем он попросил Ши Ци отправить конвой с восьмьюдесятью таэлями золота вдогонку Фэй Хундэ и Сунь Тина, чтобы у них были деньги на нужды Хэцзяня.

Наконец-то вернувшись домой, Дуань Лин первым делом отправился в горы понежиться в горячих источниках, а после вернулся к ужину. Теперь готовкой занимался У Ду — хоть его блюда и уступали кулинарным шедеврам Чжэн Яня, в них чувствовалось тепло домашнего очага. Дуань Лин всем сердцем наслаждался безмятежностью Хэбэя. Возможно, это были его последние дни беззаботности — с приходом весны начнется череда событий, и покой канет в лету.

Приближался Новый год. Жители северных и центральных регионов, покинувшие города ранее, понемногу начали возвращаться. Дуань Лин издал распоряжение о расселении, позволив семьям обосноваться в новом районе города.

Многие богатые семьи также хотели бы вернуть свои сельскохозяйственные угодья, но Дуань Лин изменил положение о земле, выделив им часть новых участков за городом и выплатив взамен соответствующую компенсацию.

На следующий день Фэй Хундэ отправил гонца с докладом. Условия в Хэцзяне были благоприятными, но, похоже, городу не хватало людей. Предположительно, не доставало численности армии, которую Цинь Лун взял с собой. Что касалось вопроса, как Му Куанда начал сотрудничать с Цинь Луном, то ему, вероятно, отправят отчет, как только закончится допрос Цинь Луна в Цзянчжоу.

Дуань Лин снова и снова прокручивал в голове эту мысль и посчитал, что Ли Яньцю, скорее всего, собирался расправиться с Цай Янем и Му Куандой одним махом.

Он долго обсуждал это с У Ду, и в конце концов тот сказал ему:

— Если он сможет как-то заставить наследного принца объединиться с канцлером Му, и они вместе попадут в ловушку, это будет возможно.

— И за какое преступление его накажут в итоге? — спросил Дуань Лин. — Заставит Лан Цзюнься дать ложные показания? Уличить Му Куанду в том, что он посадил Цай Яня самозванцем?

У Ду сидел в хозяйском кресле, а рядом с ним, усиленно размышляя, располагался Дуань Лин.

Наконец У Ду ответил:

— Что бы ни случилось, пусть они разбираются со всем сами. Императорскому двору будет легче смириться, если вину возложат на Му Куанду. В ту ночь Его Величество сказал мне кое-что — просил больше не беспокоиться.

Возможно, Дуань Лин имел к этому самое непосредственное отношение, но после установления родственных связей с Ли Яньцю он непроизвольно превратился в самую большую проблему, которую тот должен был решить. Он был так же упрям, как и отец Дуань Лина; у двух братьев и сестры было обостренное чувство ответственности, которое не позволяло им уклоняться от выполнения своих обязанностей.

Пока на троне сидел император, Дуань Лину вряд ли стоило вмешиваться в дела самозваного наследного принца и Му Куанды.

— Взгляни на это письмо, — сказал У Ду. — Я нашел его в твоём приданом.

Дуань Лин не знал, что и ответить.

Дуань Лин посмотрел на письмо. Оно было написано почерком Ли Сяо и скреплено форменной печатью принцессы. Оказалось, среди подарков из Хуайина было два больших сундука с книгами на любую тему, включая астрономию, гадания, сельское хозяйство, поэзию и песни. Почерк Ли Сяо был полностью идентичен почерку Ли Цзяньхуна, и Дуань Лин вспомнил, как отец рассказывал ему, что его тетя изучала множество предметов, и, возможно, ее каллиграфии учил сам Ли Цзяньхун.

У Ли Сяо не было времени на долгие разговоры с Дуань Лином, пока они были в Хуайине, да и он уже спешил уезжать, поэтому она могла изложить то, что хотела ему рассказать, лишь в письме. Первое — о золотых слитках в ящиках. Ли Яньцю стало известно о них после битвы при Тунгуань, и он послал гонцов, чтобы те забрали спрятанное сокровище.

Однако Ли Яньцю не хотел включать эти слитки в казну империи, ведь в этом случае ему будет сложнее собрать средства и наскрести денег с цзянчжоуских дворян. Немногие знали о существовании этих сокровищ, и, согласно тому, что Ли Яньцю рассказал Му Куанде, они все еще хранились в пещере.

Чтобы скрыть их от Му Куанды и шпионов императорского двора, Ли Яньцю велел Яо Фу, чтобы тангуты тайно доставили золото в Хуайин и положили его в сокровищницу Яо Фу, если оно когда-нибудь понадобится.

И вот теперь, раз Дуань Лину в Хэбэе потребовались деньги, Ли Сяо передала следующее: «Можешь пока потратить часть денег, а остальное я сохраню для тебя. Если возникнет необходимость, просто напиши нам, и сможешь забрать слитки в любое время». Формулировка «возвращение собственности законному владельцу» звучала иронично, ибо на практике это означало «кто нашел — тот и хозяин».

Затем на нескольких больших листах Ли Сяо рассказывала об управлении Хэбэем, в основном об ирригации, сельском хозяйстве, лесном хозяйстве, военных укреплениях и тому подобном. Закончив читать, Дуань Лин не удержался и воскликнул, все это было просто великолепно — он был намерен применить эти знания на практике и внести изменения в свои планы в соответствии с полученными сведениями весной.

Пока его не было, между Хэбэем и Шаньдуном уже был проложен временный торговый путь. Пусть здесь было холодно и трудно передвигаться, но весной, как только растает лед, можно будет вести торговлю.

Дуань Лин планировал обменять все десять тысяч таэлей золота на серебро, а затем постепенно раздать их в качестве государственных займов простолюдинам, чтобы им было на что жить, пока не наступит срок погашения долга после сбора осеннего урожая.

Затем он пригласил Шулюй Жуя. Он уже два месяца находился под его командованием, всегда был верен, мало говорил, ел и спал в тех же местах, что и остальные солдаты. Он еще не был женат и ни словом не обмолвился о происходящем.

Дуань Лин написал письмо и теперь попросил Шулюй Жуя отправиться в Ляо, чтобы доставить его Елюй Цзунчжэню, привезти новогодние подарки и заодно проверить, как там дела. В письме он спрашивал, не нужна ли Елюй Цзунчжэню какая-либо помощь, а также рассказывал о Шулюй Жуе.

В будущем, если Дуань Лин сможет успешно вернуться ко двору, он должен будет найти подходящую пару для Шулюй Жуя и постараться сделать все возможное, чтобы отправить его обратно в Ляо в качестве доверенного лица наследника Чэнь.

Шулюй Жуй забрал у него письмо и отправился в Чжунцзин.

Теперь, когда все дела были делегированы и Дуань Лин больше не был обременен, он захотел отправиться осматривать город вместе с У Ду.

— Айо, деньги прожигают дыру в кармане, и ты не можешь усидеть на месте, — произнес У Ду.

Готовый потратить немного средств, Дуань Лин громко засмеялся, а У Ду добавил:

— Я думал о покупке новогодних вещей. Уже почти наступил Праздник весны.

Дни пролетали незаметно, и стремительно приближался последний день года. Все уже было готово, и Дуань Лин наконец-то мог отдохнуть. Ему было любопытно, как шли дела в Цзянчжоу — должно быть, Ли Яньцю было скучно проводить Праздник весны в одиночестве во дворце.

Пока Дуань Лин совершал обход, он заглянул в старый район города. Он располагался на северной стороне, впритык к Сюньшуй, и только после нашествия киданей местные жители стали продвигаться на юг и возводить городские стены на северной окраине.

Большинство домов в северном районе были заброшены, и, когда на юг хлынули беженцы, Дуань Лин выделил старый город в отдельный район. Он был рассчитан всего на двадцать пять тысяч человек, так что теперь, когда в нем поселились сорок тысяч, он, естественно, казался немного переполненным.

Старики, женщины и дети получили приоритетное право на жилье. Многие из них недоедали, были слишком истощены и ждали раздачи рисовой каши. Когда Дуань Лин вернулся, он распорядился раздать беженцам рис и муку, хранящиеся на складе. Тем временем У Ду купил четырех живых свиней и двух овец, множество конфет, белую муку и шлифованный рис, чтобы накормить всех в поместье к Новому году.

Когда пришло время праздновать Новый год, каждая деревня, находящаяся под юрисдикцией уездов Хэбэя, выбрала сельских старост для ежегодного визита к Дуань Лину и У Ду. Большинство из них были седобородыми стариками, и они выстроились в ряд в поклоне высшему начальству своей провинции. Дуань Лин поспешно поднялся, чтобы помочь им встать на ноги.

— Мы возьмем лишь небольшую часть новогодних подарков и подношений, которые вы нам принесли, в знак доброй воли. Это был трудный год для всех, поэтому, пожалуйста, заберите большую часть подарков с собой.

Затем У Ду попросил слуг принести красные конверты с деньгами для раздачи сельским дворянам. Еще один год подошел к концу, поэтому отовсюду сыпались преувеличенные похвалы; Дуань Лин даже не мог сказать, искренни ли они. Все посетители только и говорили, что о достижениях Дуань Лина за прошедший год, так что он не мог не чувствовать каплю самодовольства.

Небо постепенно потемнело. У Ду разослал гостям приглашения на ужин и накрыл для них банкет. Дуань Лин велел Линь Юньци и Ван Чжэну узнать у каждого из старост, не мог ли губернатор чем-нибудь им помочь.

Раньше сельским старостам не разрешалось входить в поместье губернатора, когда они приезжали в гости на Новый год. После того как они приносили свои подарки и преподносили отчеты об успехах за год, они возвращались восвояси. На этот раз Дуань Лин и попросил их остаться, и подарил подарки, так что не стоило и говорить, насколько они были в восторге.

Наконец ему удалось всех расселить, и на следующий день Дуань Лин устроил губернаторский банкет, на который были приглашены как гражданские, так и военные чиновники, чтобы выразить признательность своим подчиненным. Это застолье проходило в более обыденной обстановке: Фэй Хундэ и Сунь Тин все еще находились в Хэцзяне, и пока там все было в порядке.

Дуань Лин так много говорил накануне, что почти лишился голоса. В начале банкета он им сказал:

— Спасибо всем вам за вашу тяжелую работу. Приехали ли вы со мной из Цзянчжоу или работали в Е с самого начала, без вас я бы никогда не добился таких успехов как губернатор.

Все скромно поблагодарили его фразами вроде «вы мне льстите» и сказали, что если кто и трудился больше всех, то это их комендант.

У Ду внутренне отметил, что, кажется, так и есть, поэтому Дуань Лин улыбнулся им в ответ и первым поднял свою чашку. Толпа подхватила настроение и старалась всячески польстить У Ду, так что в итоге он выпил немного больше, чем обычно, и все наслаждались застольем.

— В наступающем году в Е грядут большие перемены. И в этом деле мне потребуется всеобщая поддержка.

Ван Чжэн ответил:

— Непременно. С вами, господин губернатор, мало что может пойти не так. Нам просто нужно будет работать изо всех сил, выполняя ваши приказы, вот и все.

Дуань Лин ощутил легкую тоску и с улыбкой произнес:

— Когда-нибудь, если все будет работать так же, даже когда меня не будет в Е, я буду чувствовать себя спокойно.

Все поняли эти слова между строк, но Дуань Лин и сам часто покидал город — он был губернатором полгода, и по крайней мере три из них был в отъезде. С тех пор как Фэй Хундэ стал присматривать за городом, все к этому привыкли.

Но если уж об этом говорить, то вероятность того, что в следующем году Дуань Лина уже не будет в городе, довольно высока. Конечно, Янь Ди уловил, что тот имел в виду, и произнес:

— У каждого из нас свой долг, и каждый из нас играет свою роль. В любом случае мы не должны беспокоить вас по мелочам, господин. Все чиновники уже освоились после назначений. Город должен быть похож на водяное колесо — даже если его никто не толкает, он все равно должен двигаться вперед.

Дуань Лин кивнул и улыбнулся.

— Совершенно верно. Давайте, я выпью эту чашку за каждого из вас.

Дуань Лин и У Ду чокнулись, а затем все подняли свои чаши друг за друга и осушили их. Может, это были и официальный банкет по случаю Нового года, но большинство разговоров за столами были связаны с административной работой. За всеми этими беседами и выпивкой к

концу застолья У Ду в одиночку осилил почти целый цзинь вина*; он откинулся на спинку стула и с закрытыми глазами слушал, как все остальные разговаривали.

* 0,5 л.

Завтра будет канун Нового года, поэтому Дуань Лин не стал задерживать гостей, отправив всех по домам, когда с едой было покончено. Даже телохранители в поместье отправились домой, чтобы встретить Новый год в кругу семьи. Большая губернаторская усадьба почти полностью опустела, и трое осиротевших молодых солдат отправились на гору, чтобы прибрать могилы своих родителей, а Дуань Лин и У Ду провели последний день года вместе.

— Новый год, — сказал Дуань Лин.

— Ага, — У Ду откинулся на спинку стула и положил руку на лоб, большим и указательным пальцами потирая виски. — В прошлом году я только и делал, что заставлял тебя учиться. В этом году мы наконец-то проведем Новый год вместе.

Прошел еще один год, и Дуань Лин задался вопросом, чем занимается Бату. Монголы встречали Новый год не так, как ханьцы, и даже кидани стали постепенно отмечать ханьские праздники только после того, как перебрались на юг и ассимилировались с ханьцами.

В Шанцзине, когда наступало двадцать восьмое число двенадцатого месяца, ханьцы усерднее всех готовились к Празднику весны. Дом Бату всегда был пустынным, лишенным даже толики праздничной атмосферы. Тем временем Лан Цзюнься покупал Дуань Лину фейерверки и брал его с собой за город, чтобы зажечь их.

— Ты еще не купил мне фейерверков, — буркнул Дуань Лин.

У Ду слегка погладил его, но не открыл глаза.

— Я уже купил их, они в кладовке. Зажгу их для тебя первого числа. Еще я велел слугам купить закуски для гостей на Праздник весны, а завтра мы вывесим на дверях праздничные дистихи*. Перестань ерзать. Смотри не упади.

* «Дуйлянь» (对子, duìlǐán, парные надписи или дистих на парных каллиграфических панно), также называются «дуйцзы». Парные надписи лаконичны в словах, глубоки по смыслу и антитетичны по построению.

Дуань Лин засмеялся и прижался к У Ду. От него разлило вином, и они молча обнимали друг друга, не проронив ни слова.

— Я еще купил благовония, — добавил У Ду. — Завтра ты пойдешь делать подношения своему отцу, а я пойду делать подношения своему учителю, его жене и Сюн Чунь.

— Хорошо, — отреченно ответил Дуань Лин.

Поздно вечером, когда Дуань Лин уже подумывал о том, чтобы лечь спать и отложить дела до утра, снаружи раздался шум и стук в дверь.

— Мой господин, — произнес стражник, — вернулся Шулюй Жуй.

У Ду будто холодной водой окатило. Дуань Лин уже собирался распорядиться, чтобы его отправили отдыхать и приготовили ему еды, но У Ду резко перебил:

— Пусть войдет.

Шулюй Жуй вернулся, на нем был тяжелый плащ, а через левое плечо перекинута сумка, набитая вещами. Когда переступил порог, он поклонился, но Дуань Лин вышел вперед, чтобы поблагодарить его.

Он позволил Шулюй Жую присесть, проверил вино и, обнаружив, что оно еще теплое, попросил слуг принести вареной баранины, чтобы тот поел. Он, не теряя времени, сел и без лишних церемоний налег на питье и еду.

Шулюй Жуй доел целую баранью ногу и допил вино, после чего произнес:

— Его Величество справлялся о вашем здоровье.

— Как дела в Чжунцзине? — спросил У Ду.

— Есть письмо, — Шулюй Жуй достал написанное от руки письмо от Елюй Цзунчжэня и передал его Дуань Лину.

Дуань Лин маленьким ножом соскоблил восковую печать. В конверте лежало два листа бумаги, и первый из них был собственноручно написанным письмом Елюй Цзунчжэня.

«Дуань Лин,

К письму прилагается запечатанный конверт с важными уликами.

— Цзунчжэнь.»

— Его Величество уже отобрал власть у Хань Вэйюна, так что тот занимает должность лишь номинально. Он подготовил тщательно продуманную ловушку, чтобы заманить его туда, и планирует полностью избавиться от Хань Вэйюна на весенней охоте.

— А как же императрица? — спросил Дуань Лин.

— Императрица также находится под контролем Его Величества. Он просит вас не беспокоиться.

Дуань Лин открыл второй конверт и обнаружил письмо Чан Пина к Хань Вэйюну. Почерк Чан Пина был в основном узнаваем — в свое время Дуань Лин читал немало вещей, написанных им в поместье Му.

Му Куанда действительно хитрый старый лис. Даже когда он общался с киданями, то не оставлял после себя никаких улик. Но раз уж у него было письмо Чан Пина, этого было достаточно, чтобы обвинить Му Куанду в «сговоре с врагом».

В письме ничего не говорилось о Ли Цзяньхуне. Му Куанда просто сообщал Хань Вэйюну, что пришло время избавиться от Елюй Даши.

— Этого может быть недостаточно, — сказал Дуань Лин. — Но я справлюсь. Все зависит от того, как я это использую.

Теперь, поскольку Чан Пин был убит Лан Цзюнься, свидетелей не было. Ли Яньцю была нужна улика, которую можно будет предъявить придворным Великой Чэнь. Чан Пин всегда был приближенным Му Куанды, поэтому если они скажут, что именно Му Куанда подстрекал его к таким действиям, этого будет достаточно, чтобы посадить его в тюрьму, но не достаточно, чтобы обезглавить.

В конце концов, Му Куанда все еще мог защититься, заявив, что у него не было причин убивать Елюй Даши, поэтому кто-то просто пытается его подставить.

Тогда Шулюй Жуй обеими руками протянул меч. Елюй Цзунчжэнь дал ему железные ножны, но Дуань Лин все равно узнал его с первого взгляда — это был меч хана Хубилая. На конце рукояти даже сверкал кусочек бирюзы.

— Они нашли его в доме Хань Вэйюна? — спросил Дуань Лин.

— Хань Вэйюн отдал его Хуянь На. Тот был отправлен в Хуэйху, а, когда Его Величество вернулся в Чжунцин, он приказал конфисковать личное имущество Хуянь На. Среди прочего был конфискован и этот меч.

— Удивительно, что это не Чжэньшаньхэ, — нахмурился Дуань Лин. Он поднял глаза на У Ду.

У Ду взял у него меч и вынул из ножен. Посмотрев на него, он спросил:

— Ты уверен, что это он?

Дуань Лин использовал этот меч во время своего побега и в конце концов потерял его на берегу озера. После ухода монголов кидани, видимо, нашли его, когда вернулись в эти края, а затем привезли в Шанцзин, откуда он попал в Чжунцзин и был подарен Хань Вэйюну.

— Значит, Чжэньшаньхэ может находиться только в руках монголов, — сказал Дуань Лин. — У меня нет другого выбора, кроме как попросить Бату найти его, и после того, как он его найдет, сможет обменять его на меч хана.

У Ду утвердительно хмыкнул, глубоко задумавшись и нахмутив брови. Затем он спросил:

— Что в мешке из овечьей шкуры?

Шулюй Жуй открыл его и по очереди достал содержимое: небольшую деревянную коробку, два деревянных лука, покрытых лаком, и парчовую шкатулку.

Как только Дуань Лин разглядел, что находилось в мешке из овчины, его словно молнией поразило. Он отложил письмо, медленно встал со своего места, подошел к Шулюй Жую и взял из его рук каждый предмет.

Внутри деревянной коробки лежали опознавательные жетоны Дуань Лина и Цай Яня, которые они носили на поясе, обугленные и черные от огня.

— Его Величество сказал, что в Прославленном зале случился пожар, поэтому они не смогли найти сочинения, которые были написаны в то время. Это все, что осталось.

Посмотрев на деревянные жетоны, Дуань Лин провел пальцами по луку, которым пользовался раньше. С помощью деревянных луков в Академии Биюн упражнялись в стрельбе, и каждый юноша получал такой. Все они вырезали на луке свои имена, чтобы их не перепутали.

Парчовая шкатулка была богато украшена, и, если верить интуиции Дуань Лина, в ней должно было быть что-то очень важное. Затаив дыхание, он ее открыл.

Внутри находилось письмо. На нем не было ни приветствия, ни подписи. Пожелтевший конверт был точно таким же, как и тогда.

Трясущимися руками он вскрыл его. На нем было написано пять строк.

«Ты спрашиваешь о моем возвращении, но этот день еще не наступил;

Ливни на горе Ба затопили осенний пруд.

Когда же мы вдвоем подрежем фитиль у западного окна,

и поговорим о ночных дождях, что идут на горе Ба?

Жди меня*».

* 9 глава.

Это было последнее письмо Ли Цзяньхуна. Получив его в тот день, Дуань Лин спрятал его под подушку. Вспоминая об отце, он погрузился в глубокий сон, прежде чем нашел время сжечь его.

Когда он проснулся, монголы были уже у городских ворот. Поспешно найдя свой меч и выйдя на улицу, чтобы сражаться, он совсем позабыл о письме.

Дуань Лин долго молча разглядывал его, а на его губах играла слабая улыбка.

— Его Величество сказал, что не смог найти никаких полезных улик, только эти, и попросил передать их вам.

Дуань Лин уже погрузился в свои воспоминания и на мгновение отвлекся, не заметив, что он что-то сказал; У Ду тоже все это время смотрел на письмо. После небольшой паузы Дуань Лин поднял взгляд на У Ду.

— Убери его, — произнес У Ду.

Дуань Лин кивнул, обращаясь с письмом так, словно оно было самым ценным сокровищем, и аккуратно убрал его.

— Подожди, — обратился Дуань Лин к Шулюй Жую, — спасибо тебе за то, что ты проделал такой трудный путь и принес сюда столько вещей.

Шулюй Жуй кивнул и, не говоря больше ни слова, по-киданьски отдал Дуань Лину честь.

— Поспи немного, — сказал У Ду. — Обо всем остальном мы поговорим завтра. Уже не за горами Праздник весны.

<http://bllate.org/book/15657/1400675>